

С.Н. ХУДОВЕКОВ
(Смоленск)

**ВЛИЯНИЕ АНТИЧНОГО
РИТОРСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА
АЛЕКСАНДРИЙСКОЕ БОГОСЛОВИЕ
(на примере Оригена)**

Описано влияние высших форм античного образования, в частности риторики, на выдающегося мыслителя и богослова III в. н.э. Оригена. Данный пример является ключевым для понимания процесса инкорпорирования элементов античной культуры в зарождающуюся интеллектуальную культуру новой Европы.

Ключевые слова: христианство, эллинистическая педагогика, александрийская школа, Ориген.

Духовное образование личности, понимаемое как внутренний субъективный процесс, никак не сводимо к внешнему образованию, но в то же время не может рассматриваться отдельно от него. Начальная фаза развития личности, за немногими исключениями, тесно связана с существующими в эту эпоху образовательными системами и их методикой. Влияние «школы» может быть прямым или опосредованным, но при анализе богословского наследия того или иного церковного писателя (а в более широком смысле – любого заметного творческого деятеля) оно должно обязательно учитываться.

Насколько ошеломляющей может быть разница в результатах работы с учетом школы и без него, мы можем проследить на примере Филона Александрийского. В курсах по истории философии, ориентированных, как известно, на личностный анализ, Филон предстает оригинальным и независимым мыслителем. Он таким и останется «без учета школы». С учетом школы картина получается иной. Буссе находит в одной только работе «Об Аврааме» 99 свидетельств об использовании Филоном аллегорической интерпретации «из школьной традиции» (цит. по [6]). От такой дополнительной информации Филон не перестает быть оригинальным и независимым по сравнению с классиками античной фи-

лософской мысли, но должен изучаться в контексте иудео-александрийской апологетической и просветительской традиции, выдающимся представителем которой он является. Оригинальность мыслителя внутри этой традиции должна быть выяснена путем сравнения с другими образцами и типичными школьными приемами.

Данным примером мы иллюстрируем необходимость пристального внимания к школе, без которого исследователь дает некачественный результат. В применении к Оригену, выдающемуся александрийскому мыслителю и богослову III в. н.э., ситуация усложняется, т.к. он пользуется сразу несколькими системами образования. Мы сочли необходимым оставить в стороне «церковные» школьные методики и рассмотреть то, что было заимствовано Оригеном из светской эллинистической школы.

По типу школ в эллинистическом образовании мы можем выделить: а) риторское, или софистическое, и б) философское. В настоящей статье будет рассмотрено влияние на педагогическую систему Оригена риторского, или софистического, образования.

В сравнении с философией риторика применительно к нашей теме, на первый взгляд, значительно уступает в содержательности. Но это верно лишь отчасти. Ориген, как мы знаем, вырос в семье грамматика, и поскольку после мученической кончины отца он начинает сам преподавать, мы можем сделать вывод, что его уровень был достаточен как минимум для обучения грамматике и риторике на начальной ступени. Если это так, то насколько важным было изучение риторики для его учеников в Кесарии? Церковная история считает Оригена родоначальником особого жанра проповеди – гомилии. Новые жанры редко создаются теми, кто пренебрегает жанровой формой как таковой. Что же до кесарийской школы, то ее выпускник Григорий Неокесарийский приносит публичную благодарственную речь в адрес наставника и при этом старается подражать неким стандартным риторическим формам – да и как может быть иначе, если после заверений о малоспособности автора охватить тему и декларировании им «простоты речи»

следует авторское вступление, хотя и лишённое гипербол, но даже при быстром произнесении занимающее не меньше получаса. Полностью весь текст, если он произносился без сокращений, должен был занять не менее двух часов. Очевидно, перед нами произведение ораторского искусства, составленное вполне профессионально и получившее общее одобрение, а потому и тиражируемое в списках. Следует ли сомневаться в том, что речь была одобрена наставником (Оригеном), т.к. в противном случае ее тиражирование можно считать маловероятным [4].

Разберемся с тем, действительно ли является Ориген родоначальником нового жанра. Жанровые формы, популярные во II–III вв. н.э., разрабатывались теоретиками так называемой «второй софистики» и нам известны довольно слабо. В это время формировались жанры как с жесткой схемой и известным набором доводов и тем, так и с вольной трактовкой и рядом фиксированных риторических правил, которые можно было варьировать. Наконец, получила распространение форма слова, близкая к философскому разговору (Дион Хризостом), с моралистическим содержанием. Одной из таких форм могла являться гомилия. О том, что она была широко известным в античном мире жанром, мы можем судить из ссылки на блаженного Августина, который сам преподавал риторику до обращения и который называет гомилию «рассуждением для народа» (*tractatus populares, quos Graeci homilias vocant*) [5, p. 299]. Представляется маловероятным, что блаженный Августин здесь имел в виду Оригена, т.к. тот не является теоретиком в области риторики, множественное обобщенное число здесь скорее указывает на общепринятое название, идущее от теоретиков из числа адептов «второй софистики» [1]. Следовательно, жанр гомилии не придуман Оригеном, а скорее адаптирован для церковной общины. Такой образ действий вполне соответствует общему подходу Оригена к культурно-философскому наследию эллинизма, поскольку и в догматической области, и в этике он инкорпорирует в церковную традицию те или иные приемы или идеи, показавшиеся ему пригодными. Еще один пример такого рода мы видим в применении к Священному Писанию известного античного понятия «канон», которое широко использовалось в других областях античной культуры, в частности в риторике и грамматике, где обучение строилось исключительно на типичных, или «канонических» (в античном смысле этого слова) моделях, таких как Десять аттических ораторов [3, с. 280].

Во всех этих случаях на церковную почву переносится античная терминология, но заимствованные понятия претерпевают определенное развитие.

Если, таким образом, выясняется, что интерес к риторике не чужд школе Оригена, позиционирующей себя как философско-богословскую (Григорий Неокесарийский особо отмечает философскую направленность процесса обучения [2, с. 17]), то этот факт нужно рассмотреть в контексте борьбы за молодежь, происходившей в течение всей античности между философией и риторикой (софистикой). Не следует недооценивать напряженности и драматичности этого противостояния. Философской модели воспитания, созданной Платоном, противостоит софистический идеал пайдеи, принадлежащий Исократу. И не только противостоит, но и доминирует над ней: само понятие «высшего образования» в эпоху эллинизма для большинства студентов означает обучение в риторской, а не философской школе [3, с. 272–273]. При этом обе стороны декларируют приверженность своей традиции. Во втором веке н.э. поборники ораторской культуры именуют себя «софистами», подчеркивая, что их традиция восходит к главным противникам Сократа. Так, Скопелиан утверждает, что он ученик Горгия, Элий Аристид выступает против Платона. С противной стороны парфянские стрелы в адрес риторики мечут и платоники, и стоики. Они тоже осознают себя частью некоей единой идейной традиции. Христианские и иудейские философы, таким образом, вынуждены определиться в том, какую позицию им следует занять в этом старинном споре, и, учитывая их естественный интерес к платонизму, не следует удивляться тому, что они занимают сторону философов. Поэтому когда Климент Александрийский посвящает главы «Стромат» – своего главного произведения – полемике с риториками и софистами, он этим не только отдает дань традиции, но и признает, что соперничество в его эпоху и в его культурной среде остается столь же напряженным и обостренным. И это борьба не только за клиентов, но и за влияние на общем культурном фоне. Преобладание риторического подхода к образованию означает дискредитацию философского, падение уважения к идеалам философии и ее образу жизни. Что же взамен этого давала риторика? Довольно практичные и сугубо земные вещи, такие как престиж в обществе, возможность занять ту или иную государственную должность и тем самым опять-таки повысить свою значимость. Декларируе-

мые риториками практические навыки позволяли заинтересовать аудиторию, с помощью известных приемов удерживать ее внимание для достижения своих целей. Все это позволяло добиваться локальных успехов, дальше которых риторика не шла, оставляя в стороне развитие личности. Слава и известность, которую получали ведущие ораторы, подталкивали к этому пути все новых и новых адептов.

Прикладной характер риторики позволяет ей вторгаться в другие области (в том числе в философию), заимствуя необходимое для себя содержательное наполнение. Разумеется, при этом содержательная сторона философии выхолащивается и сводится к упрощениям, удобным для риторического жонглирования и моралистических апелляций. Избегая глубины и собственно философской работы над той или иной проблемой, не говоря уже о применении аналитических философских методик, оратор снимает сливки с этой работы, пользуясь в своих целях ее результатами. Однако есть в этом процессе и обратная сторона. Когда философия чрезмерно отдаляется от содержащего ее общества, проблем и нужд обычного человека, именно ее исконный враг-оратор напоминает ей об этом. «По временам, – пишет А.И. Марру, – когда развитие эристического инструментария философии неосмотрительно педалируется и когда уже философия уступает место технической сноровке, именно ораторская культура встает на защиту гуманизма. Как и во времена Исократы, она противопоставляет философу, закованному в броню силлогизмов, запутавшемуся в своих абстракциях, простой здравый смысл, очевидные истины, умственный багаж добропорядочного человека. Дело в том, что ритор не питает отвращения к общим идеям, моральным и человеческим проблемам: его учебный курс поистине пропитан ими. Учение о нахождении придает особое значение “общим местам”, этим дивным драгоценным ключам, открывающим широкую дорогу к справедливому и несправедливому, к счастью, к самой жизни и смерти, – и, заметим, очень полезных оратору, поскольку они вводят в игру исходные очевидности опыта. Даже на элементарном уровне “подготовительных упражнений”, *progymnasmata*, ученика учат обращаться с важнейшими вопросами, заставляя его вести дискуссию с использованием общедоступных “положений”. С их помощью он завоевывает и удерживает значительную часть территории, принадлежащей моральной философии, так что в конце концов философ возмущается, протестует, требует для себя и только для себя права обсуждать

“положения”, как это сделал Посидоний в ходе знаменитого спора, противопоставившего его риторике Гермагору: ритор должен довольствоваться “предположениями”, иначе говоря, конкретными темами, трактуемыми в определенной ситуации, каковыми являются, например, юридические темы, кроме того он должен отказаться от общих идей» [3, с. 295–296].

Имеет место и обратный процесс. Философы воспринимают прикладную сторону риторики и начинают ее использовать. Отсюда они черпают свою выразительность и убедительность. В стоической системе риторика включается в процесс обучения как часть логики, в других философских школах ее элементы изучаются в качестве пропедевтической дисциплины. Отсюда мы можем понять, почему для Оригена использовать риторические формы и приемы не означает предавать философию и переходить на сторону ее исконного врага. В таком же духе он обучает и своих учеников в Кесарии.

При таких обширных заимствованиях неизбежным было стирание границ между риторикой и философией, что могло бы означать и ослабление вековой напряженности в отношениях, но этого последнего не произошло. Философствующий софист остается в первую очередь литератором, и он более чем далек от желания надеть на себя философский плащ. В то же время риторика для философа не затмевает постижения главной науки – жизни, окружающего мира и самого себя, и решения большого количества практических вопросов, связанных с практической реализацией философского идеала, включая и разные стороны воспитания личности, прежде всего морального.

Использование Оригеном риторики, таким образом, в более широком смысле свидетельствует о признании им достоинства и качества прикладных форм эллинистического образования, т.к. именно риторика является их наибольшим выражением. Если же говорить о более отдаленных последствиях, то именно благодаря авторитету Оригена как учителя Церкви риторика получает важное место в формирующемся христианском образовании, сохраняя тем самым культурную преемственность и перенося значительный пласт античности в византийскую и западноевропейскую культуру.

Литература

1. Гаспаров М.Л. Избранные труды. Т. I. О поэтах. М. : Яз. рус. культуры, 1997.
2. Григорий Неокесарийский. Похвальное слово Оригену. М., 1998.
3. Марру А.И. История воспитания в античности (Греция). М. : ГЛК Ю.А. Шичалина, 1998.

4. Сагарда Н.И. Святого Григория Чудотворца благодарственная рѣчь Оригену // Христианское чтение. СПб. : Тип. М. Меркушева, 1912. Т. ССXXXVIII. Ч. II. Ноябрь. С. 1177–1179.

5. Murphy J.J. Rhetoric in the Middle Ages: a history of rhetorical theory from St. Augustine to the Renaissance. Berkeley; Los Angeles, 1974.

6. Philadelphia Seminar On Christian Origins. Vol. 16 (1978–1979). URL : <http://ccat.sas.upenn.edu/psco/archives/psco16-min.htm>.

Influence of ancient rhetoric education on Alexandrine theology (by the example of Origenes)

There is described the influence of higher forms of ancient education, rhetoric in particular, on a distinguished thinker and theologian of the III century AD Origenes. This is the key example for comprehension of the process of incorporating the elements of the ancient culture into the incipient intellectual culture of new Europe.

Key words: *transurfing, reality, magic, esotericism, visualization, management.*

Н.Н. ПЛУЖНИКОВА
(Волгоград)

«ТРАНСЕРФИНГ РЕАЛЬНОСТИ» И МАГИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ В КУЛЬТУРЕ

Представлен анализ концепции трансерфинга реальности не только как определенной психотехники, но и как одной из моделей управления поведением человека в современной культуре. По мнению автора, анализ выбранной концепции позволяет показать некоторые тенденции и перспективы развития современной культуры в целом.

Ключевые слова: *трансерфинг, реальность, магия, эзотерика, визуализация, управление.*

Нельзя не признать, что современное состояние развития цивилизации оценивается как кризис, имеющий в первую очередь антропологическое измерение. Оно состоит в утрате современным человеком целостного, системного понимания собственной жизни, от-

сутствии принципов целеполагания и ценностных ориентиров в результате подмены духовных ценностей материальными, гедонистическим и утилитарным отношением к жизни. По мнению французского футуролога Ж. Аттали, современный человек проходит стадию «культурной мутации», состоящую в превращении человека в «искусственное существо», покупаемое и продаваемое как любой рыночный предмет или товар [1, с. 58]. Вкупе с ощущением социальной нестабильности, несоизмеримости желаний и возможностей это порождает у современного человека инстинктивную агрессивность, алармизм и как результат – поиск устойчивых оснований бытия в виде некоторых «моделей существования» в современной культуре. Как правило, эти модели представляют собой набор практических рекомендаций, универсальных «рецептов счастья», направленных на достижение человеком материального успеха и психологического комфорта, осуществляемых на различных тренингах, семинарах, в эзотерических сообществах, оккультных течениях и сектах.

Начиная с 1990-х гг., отечественная культура подверглась массовому засилью различных эзотерических, мистических и оккультных течений. Эти идейные течения принимаются как легитимные (в том числе и некоторыми учеными), претендуя даже на некоторый мировоззренческий переворот в науке. Однако попытки осмысления этих квазинаучных течений в научной литературе остаются фрагментарными и не дают целостного видения происходящих в культуре процессов. Более того, в научной литературе не описаны и механизмы влияния этих течений на психику и поведение человека, хотя многие из них не просто несут негативные последствия, но и весьма опасны. Человеческое сознание в современном обществе подвергается массивной информационной атаке, одно из направлений которой – аксиоматическое в некоторых современных околонучных учениях утверждение – идея об управлении реальностью посредством собственных мыслей и желаний.

Одним из подобных эзотерических учений, широко распространенных среди современной молодежи, является учение «трансерфинга реальности» Вадима Зеланда. Появление этого учения вызвало широкий резонанс в эзотерическом сообществе. Однако серьезная критика данного учения в научной и эзотерической литературе отсутствует. Среди ак-